

Мсціслаўі ў верасні 2001 г. падчас свята беларускага пісьменства. Бронзавая фігура з'явілася ў цэнтры сквера невялікага беларускага гарадка. Аўтары помніка (скульптары А.Батвінёнак, А.Чыгрын і архітэктар Ю.Казакоў) не маглі карыстацца якой-небудзь выявай знакамітага друкара – іх папросту не існуе, таму стварылі вобраз алегарычны. П.Мсціславец стаіць ва ўвесь рост, абাপіраючыся адной рукою на друкарскі станок, а другой трымаючы кнігу [26].

Вобразы беларускай гісторыі ў сучасным мастацтве прыцягваюць асаблівую ўвагу, таму што не толькі вырашаюць эстэтычныя мэты, але і становяцца сродкамі патрыятычнага выхавання, у якім у першую чаргу павінна быць зацікаўлена дзяржава. Краіна не можа існаваць без сваёй гісторыі, сваіх герояў мінулага, магчыма нават сваіх ідалаў. Чалавек павінен ведаць, што за ім шчыльнымі радамі стаяць продкі, памяць аб якіх дае веру ў заўтрашні дзень.

СПІСАК ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

- Смолюскі Р. На скрыжаванні. Мн., 1999, с. 173
- Юўчанка Н. А. Музыкальнае мастацтва // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. Мн., 2000, с.343
- Гудзей-Каштальян В.Р. Музыкальна-драматургічная канцэпцыя балета “Страсці” А.Мдзівані ў святле праблемы посткананічнай эвалюцыі жанру // Вестні Акадэміі навук Беларусі, серыя гуманітарных навук, 1997, №1, с.63
- Мушинская Т. Валентин Елизарьев. Мн., 1997, с.128
- Грамыка Л. Бабруйск – горад асаблівы // Мастацтва, 1999, №6, с.7
- Куляшова Г. Гістарычнае мінулае ў сучасным працытанні // Тэатральная Беларусь, 1993, №6, с.48
- Смолюскі Р. Тэатральнае Мастацтва // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. Мн., 2000, с.358
- Смолюскі Р. На скрыжаванні. Мн., 1999, с.179
- Команавя Т. Апошні?.. У XX стагоддзі // Культура, 2000, 16-22 верасня, с.2
- Смолюскі Р. Тэатральнае мастацтва // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. Мн., 2000, с.357
- Смолюскі Р. На скрыжаванні. Мн., 1999, с.175
- Штэйман Г. Каханне без страўсаў // Культура, 2001, 18-24 жніўня, с.9
- Такім чынам... // Культура, 2001, 22-28 верасня, с.1
- Команавя Т. Vivat, “Саламея”! // Культура, 2001, 18-24 жніўня, с.8
- Смолюскі Р. На скрыжаванні. Мн., 1999, с.181
- Пікулік А. Умець гаварыць са сваім часам // Мастацтва, 2001, №6, с.16
- Басалыга У. Вытокі творчасці // Беларускі гістарычны часопіс, 1996, №1, с.66
- Шунейко Я. Под старадавным знакам “Пагоні” // Неман, 1991, №9, с.177
- Шаранговіч Н. “Пагоня “ ў рытме пошуку // Літаратура і мастацтва, 1998, 25 верасня, с.11
- Жогла Н. Быць грамадзянінам... // Літаратура і мастацтва, 1997, 4 красавіка, с.4
- Яніцкая М. Папличнікі ў духоўным сумоўі // Мастацтва, 1999, №6, с.24
- Габрусь Т. Genius creaturae: дух творчасці. Помнікі скульптуры Ігара Голубева // Роднае слова, 1998, №3, с.147
- Нечаева Е. Скорина и Гусовский : впервые в Минске // Беларусь, 1999, №4, с.29
- Скарына і Гусоўскі на п'едэсталах // Літаратура і мастацтва, 2000, 30 чэрвеня, с.15
- Пазняк К. Помнік святой // Літаратура і мастацтва, 2000, 7 студзеня, с.1
- Крэпак Б. Пётр Мсціславец вяртаецца на радзіму... // Культура, 2001, 18-24 жніўня, с.2

УДК 281.93

Восович С.М.

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ 30 – 50-Х ГОДАХ XIX В.

При каждом императоре православное духовное образование подвергалось реформированию. Причём на характер реформ православных духовных учебных заведений оказывала большое влияние личность императора. Поэтому при Николае I, стороннике внесения единообразия, военного порядка, дисциплины во все области жизни народа и управления, перед духовными школами ставилась задача: сообщать учащимся только знания, необходимые им впоследствии для исполнения своего служебного долга и формировать в будущих священниках шаблонное единообразное сознание. К концу 30-х годов XIX в., в результате постепенных преобразований учебного процесса в семинариях, число изучаемых предметов увеличилось вдвое. Главной целью изменений было стремление дать перевес духовному образованию перед светским.

1 марта 1839 г. была упразднена Комиссия духовных училищ. После её ликвидации высшее руководство духовным образованием было сосредоточено в Св. Синоде. Надзор за исполнением существующих законов в этой области был возложен на обер-прокурора Св. Синода. Высшим исполнительным органом стало Духовно-учебное управление при Св. Синоде, которое непосредственно заведовало капиталами ду-

ховно-учебного ведомства. Хозяйственное управление при Св. Синоде контролировало расход духовно-учебных сумм [1]. В результате административных преобразований фактически установленный надзор обер-прокурора de facto превратился в его безграничное господство над духовной школой, которое продолжалось, с незначительным ослаблением в 1867-1884 гг., вплоть до конца синодального периода.

В 1840 г. Св. Синод предложил осуществить ряд мер по преобразованию учебно-воспитательного процесса в семинариях. Сохраняя научный уровень образования, Св. Синод решил его приблизить к практической жизни, т. е. дать воспитанникам такие знания, которые могли бы с пользой для них самих и для будущих их прихожан использоваться в сельском быту. Для этого предлагалось: 1) из главных предметов семинарского курса приспособить к обязанностям сельского священника пастырское богословие и собеседовательное богословие; 2) из вспомогательных предметов преподавать всем ученикам начала философии (логику и психологию), российскую словесность, гражданскую историю, физику, алгебру, геометрию, латинский и греческий языки; 3) ввести в учебный курс новые предметы: естественные науки, начала медицины и сельского хозяйства.

Восович Сергей Михайлович. Ассистент каф. философии и культурологии Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

Все эти предложения Св. Синода были одобрены Николаем I. После чего последовало распоряжение об их исполнении: с сентября 1840 г. - в семинариях Московского и Казанского духовно-учебных округов, с сентября 1841 г. - в семинариях Санкт-Петербургского и Киевского округов, к которым относились и семинарии Беларуси.

9 августа 1840 г. Св. Синод постановил оставить существующий в семинариях 6-летний курс обучения, с разделением его на 3 отделения, но по-новому распределил учебные предметы по годам. К тому же было увеличено количество обязательных предметов до 26 (согласно уставу 1814 г. их было 9). Такая многопредметность семинарского курса нарушала основательность семинарского образования. Ни один предмет не мог преподаваться основательно. К тому же были совершенно уничтожены целостность и стройность семинарского образования, так удачно осуществлённые в уставе 1814 г. Реформа 1840 г. затронула только учебный процесс данного типа духовно-учебных заведений. В остальном духовные семинарии продолжали жить по уставу 1814 г., сохраняя его негативные моменты. Учебные дисциплины в духовных семинариях стали преподаваться на русском языке.

Преобразование учебного курса семинарий Беларуси не произошло полностью в сентябре 1841 г., так как не хватало преподавателей практических дисциплин. Так, естественная история и сельское хозяйство в Литовской и Минской семинариях начали преподаваться с 1846 г. [2, с.192; 3, с.89,139]. Преподавание этих предметов стремились поставить на практическую основу. По естественной истории в Могилёвской семинарии была создана коллекция насекомых; в Литовской - имелся музей по естествознанию, создателями которого являлись ученики и преподаватели, собиравшие экспонаты (камни и растения, встречающиеся в окрестностях г. Вильно) во время летних прогулок [4, с.591]. По сельскому хозяйству в Литовской семинарии ученики на семинарской земле высевали различные злаковые культуры, выращивали в огороде овощи, в саду, принадлежащем Троицкому монастырю, завели питомник, на семинарском дворе устроили цветник [4, с.593-594]. В Минской семинарии для воспитанников был устроен огород, площадью 80 квадратных саженей, на котором они в миниатюре занимались разнообразным хозяйством. Велось практически преподавание сельского хозяйства и в Полоцкой семинарии. Причём в 1851 г. занятия полеводством в данном учебном заведении происходили «с особенным успехом», а ученики к тому же ещё занимались и пчеловодством.

На занятиях по геодезии семинаристы определяли площади церковных земель, производили вычисления, связанные со строительными работами, составляли планы. В 50-х г. XIX в. преподавание геодезии осложнилось ознакомлением учеников с сельской архитектурой. Воспитанники семинарий должны были знакомиться с составлением планов и счётом сельских зданий, скотных дворов, риг, плотин, жилых помещений для причта и даже церквей. Но надо признать, что это знакомство с архитектурой не могло быть основательным из-за недостатка учебного времени. 21 декабря 1858 г. преподавание геодезии было отменено.

На занятиях по медицине семинаристы Беларуси изучали некоторые сведения из анатомии, патологии, терапии. Ученики рассматривали вредные последствия для здоровья некоторых народных суеверий и предрассудков, способы оказания помощи при замерзании, утоплении, отравлении. Изучались способы лечения наиболее распространённых болезней, в том числе и детских. В Минской семинарии с некоторыми болезнями и их лечением учащиеся знакомились в семинарской больнице на примере своих больных друзей. В Литовской семинарии ученики по указанию лекаря готовили простые лекарства и постепенно создали небольшую семинарскую аптечку [4, с.594]. С 50-ых г. XIX в. семинаристов стали обучать оспопрививанию не только теоретически, но и практиче-

ски. В Литовской епархии семинарское начальство тщательно наблюдало за изучением оспопрививания даже в причетнических классах при Виленском и Жировичском училищах [4, с.594]. В 1866 г. сельское хозяйство, вместе с естествознанием и медициной были отменены, и вместо них было введено изучение педагогики.

При Николае I уделялось много внимания миссионерской деятельности. Специфика этой деятельности в белорусско-литовских губерниях заключалась в том, что здесь она была направлена не на нехристианские конфессии, а на старообрядцев, протестантов, католиков. В Литовской, Витебской, Могилёвской семинариях были открыты миссионерские отделения. Преподавались миссионерские предметы только желающим студентам высшего отделения. Для этого студенты освобождались от занятий по некоторым другим предметам (например, греческого, еврейского, латинского языков). В Литовской, Витебской семинариях миссионерские отделения были открыты в 1853 г. [4, с.590-591]. Что касается Минской семинарии, то в 1855 г. Св. Синод повелел высылать из Минской семинарии в начале каждого учебного курса по 2 воспитанника высшего отделения в Могилёвскую семинарию для изучения миссионерских предметов. После окончания курса эти воспитанники должны были поступать на священнические места в те приходы, где жили раскольники. Реально высылка минских семинаристов продолжалась недолго - всего 6 лет.

После ликвидации униатской церкви униатские духовные школы стали православными учебными заведениями. В 1839 г. последовало сравнение учебных курсов бывших униатских духовных учебных заведений с православными училищами и семинариями. В начале 40-х г. XIX в. произошла унификация в содержании и управлении бывших униатских духовно-учебных заведений с православными духовными школами.

В 40-50-ые г. XIX в. произошло некоторое перемещение православных духовных семинарий. В 1840 г. Минская семинария переехала из г. Слуцка в г. Минск; Литовская семинария в 1845 г. переехала из м. Жировичи в г. Вильно, где и была помещена в Виленский Св. Троицкий монастырь; Полоцкая в 1856 г. - из г. Полоцка в г. Витебск [5, с.42]. Переезжали семинарии с целью улучшения жилищных условий. Влияло на переезд семинарий и расположение кафедр епархиальных архиереев. В результате епархиальные архиереи могли в свободное время без затруднений посетить средние духовные учебные заведения, проконтролировать в них состояние учебно-воспитательного процесса. Это в свою очередь способствовало улучшению учебного процесса в духовных семинариях.

В начале 50-х г. XIX в. было осуществлено реформирование духовных училищ. Вместо существующих до этого времени уездно-приходских были оставлены одни уездные училища, разделенные по примеру семинарий на 3 отделения: низшее, среднее, высшее, с двухгодичным в каждом отделении курсом. Таким образом, срок обучения в духовных училищах сохранялся старый и равнялся шести годам. Фактически в преобразованном училище низшее отделение состояло из 2 классов прежнего приходского училища, среднее и высшее соответствовали низшему и высшему отделениям прежнего уездного училища. Преобразован был и учебный курс. Было введено 2 новых предмета (объяснение Евангелий и апостолов и русская история), изменено количество учебных часов, осуществлена перестановка предметов. Причем, изменяя учебный процесс, исходили из того, что поступающие в училище обязаны были знать таблицу умножения и некоторые молитвы, уметь по-русски и по-церковнославянски читать, по-русски писать. Поэтому в низшем отделении реформированного училища по сравнению с прежним приходским училищем сокращалось количество часов на русский язык.

Если епархии испытывали потребность в причетниках и в училищах было достаточно помещений, то при них могли открывать особые причетнические классы с двухгодичным курсом. Предназначались эти классы для тех учеников училищ, которые не переводились в высшие отделения, и желающих, в возрасте от 15 до 17 лет, подготовленных дома. Программа обучения включала следующие учебные дисциплины: пространный катехизис с объяснением Евангелия и апостолов, краткую св. историю, церковный устав и краткое учение о богослужебных книгах, краткое учение об утвари, обрядах и церковных праздниках, церковное пение, чистописание, русский язык и письмоводство, церковно-славянский язык, русскую историю и географию, арифметику. Надо отметить, что ученики, которые окончили училище, могли быть определяемы на причетнические места, минуя причетнические классы.

Особенность училищ Беларуси состояла в том, что при некоторых из них в 30-50-ых г. XIX в., до создания в начале 50-ых г. XIX в. причетнических классов, существовали дьячковские училища. Поводом для их создания послужило постановление собора униатских иерархов 7 февраля 1834 г. о восстановлении в униатских церквях богослужения по обрядам греко-восточной церкви. В результате возникла острая потребность в подготовленных причетниках, по причине полной непригодности наличных дьячков. К тому же большинство церквей Литовской епархии вообще не имели церковнослужителей. Поэтому с целью подготовки причетников были открыты дьячковские училища при Полоцкой семинарии 5 декабря 1838 г. [6, с.24], при Литовской семинарии – в 1834 г. [4, с.733-775]. Подобные училища были организованы в Полоцкой епархии при монастырях: Березвечском на 12 человек, Вербиловском на 8 человек, Оршанском на 8 [6, с.24]; в Литовской епархии – при Тороканском монастыре, которое существовало в конце 40 – начале 50-ых г. XIX в.. И если дьячковское училище при Литовской семинарии было соединено с приходским, то при Полоцкой семинарии оно имело самостоятельный училищный устав. В августе 1845 г. полоцкое дьячковское училище было переведено в Полоцкий Богоявленский монастырь, а в 1849 г. закрыто на основании определения Св. Синода от 10 июня - 15 ноября 1848 г. Вместо дьячковских училищ в начале 50-х г. XIX в. с целью подготовки церковнослужителей при некоторых училищах были открыты причетнические классы. В Литовской епархии были учреждены причетнические классы при Виленском и Жировичском училищах [7, с.231]. В эти причетнические классы могли поступать ученики высшего отделения училища, которые не были переведены в семинарию, и низшего отделения семинарии, которые желали подготовить себя к выполнению причетнической должности, и не могли по неуспеваемости продолжать образование в семинарии. В 1854 г. был открыт причетнический класс и при Пинском духовном училище. Курс обучения в Пинском причетническом классе колебался от 2 до 6 лет. В конце 50-х г. XIX в. в Пинском училище существовал и пригатовительный класс с целью подготовки детей духовенства Минской епархии для поступления в уездные училища. Этот класс имел 20 казеннокоштных вакансий для сирот-детей священнослужителей. В нём также могли обучаться чтению и чистописанию и дети, имеющие родителей, но с оплатой. Выпускники, не успевшие до 12 лет поступить в низшее отделение уездного училища, переводились только в причетнический класс [8, л.1-4].

Количество училищ в 40-50-е г. XIX в. в белорусско-литовских губерниях не отличалось стабильностью. В Полоцкой и Литовской епархиях наблюдалось уменьшение количества училищ, так как оно превышало потребности епархий вследствие преобразования униатских училищ в православные. Закрывались низшие духовные учебные заведения из-за малочисленности в них учащихся. Сказалось и то, что преподаватели бывших униатских училищ, бывшие базилиане, вряд

ли могли подготовить на достаточном уровне православное духовенство. В Литовской епархии были закрыты: Березвечское училище в 1849 г. [7, с.195], Борунское – в 1845 г. [2, с.280]. Причем после закрытия Березвечского училища его штатная сумма была разделена между Виленским и Жировичским училищами [7, с.195]. В Полоцкой епархии в 1859 г. были закрыты Вербиловское училище. С целью предотвращения процесса сокращения училищ в 1853 г. Супрасльское училище, в котором насчитывалось только 8 учеников духовного сословия, было переведено в г. Гродно. Способствовало переводу и открытие в Супрасле промышленных предприятий, приведших к значительным расходам в содержании учеников [2, с.281]. В Минской епархии число училищ не менялось с 1843 г. до 1874 г., несмотря даже на малочисленность учащихся в Божинском училище. Это объяснялось тем, что Божинское училище содержалось не на синодальные средства, а на проценты с 3090 рублей, завещанные основателем училища священником С.Аксиньевичем. Владельцы Божинского имения обязывались выплачивать проценты с данной суммы и производить, по мере надобности, ремонт училищного здания [9, с.223]. В 1848 г. в Минской епархии Ляданское училище и часть учеников Слуцкого училища были переведены в г. Пинск, где разместились в корпусе Пинского Богоявленского монастыря. Причиной перевода учеников послужили неудовлетворительные жилищные условия в Ляданском и Слуцком училищах. В Могилёвской епархии в 1842 г. были основаны Оршанские приходское и уездное училища. Таким образом, в целом, в 5 белорусско-литовских губерниях в 40-50-х г. XIX в. наблюдалось сокращение количества училищ. В те же годы в Российской империи число уездных училищ, наоборот, увеличилось [10, с.168].

В оставшихся училищах Литовской епархии произошло перераспределение казеннокоштных вакансий. Во время нахождения Литовской семинарии в Жировичах в каждом из подведомых ей училищ содержалось по 20 казеннокоштных учеников. Но такое распределение казеннокоштных вакансий было найдено митрополитом Иосифом (Семашко) неудобным. Поэтому он в 40-х г. XIX в. предложил Березвечское, Кобринское, Супрасльское училища оставить для одних своекоштных учеников, а для казеннокоштных организовать общежития только при Виленском (открыть вместо Борунского) и Жировичском училищах. Причём митрополит предлагал открыть 250 казеннокоштных вакансий: 100 – в г. Вильно, 150 – в м. Жировичах. Такое большое количество казеннокоштных окладов для двух училищ митрополит Иосиф объяснял местными условиями. Все предложения Иосифа были утверждены [2, с.280].

1 августа 1844 г. было открыто Полоцкое Спасо-Ефросиньевское училище. Это было небольшое училище-приют на 21 воспитанницу из числа дочерей священников Полоцкой епархии, преимущественно круглых сирот. В организации этого училища участвовал император Николай I. Давая свое согласие на восстановление женского монастыря, он поставил неременным условием, чтобы при нём было создано епархиальное училище для девиц духовного звания. В качестве руководства в Спасо-Ефросиньевское училище был выслан проект устава училища при Вяземском Аркадиевском монастыре.

Первоначально это училище, как и Буйничский приют, жило общей жизнью с монастырём. Сироты помещались в монастырских кельях вместе с монашествующими; воспитывались в правилах монастырского устава. От монахинь учились полезному для предстоящей самостоятельной жизни. Воспитанницы Спасо-Ефросиньевского училища “готовили кушанье, доили коров, разливали молоко, делали масло, работали в саду и огороде, приучались распознавать качество пахотной земли, занимались удобрением и обработкой её, наблюдали время посевов и уборки разного хлеба” [11, с.170].

Образование в этих женских заведениях было чрезвычайно простое. Воспитанниц учили только молиться, читать и писать.

Во второй половине 40-50-х г. XIX в., благодаря усилиям руководителей Полоцкой и Могилёвской епархий, приют и училище постепенно превратились из благотворительных заведений в благотворительно-просветительные. Так, при Анатолии (Мартьяновском) учебный процесс в Буйничском приюте получил более совершенную организацию. Все воспитанницы были разделены на 3 класса: первый, второй, рукодельный. Была значительно расширена учебная программа: уже в 1846 г. преподавались Закон Божий, славянское и русское чтение, четыре действия арифметики, письмо и рукоделие, катехизис, св. история, пение (по слуху). Через некоторое время были введены география и нотное пение. Приют имел особую надзирательницу-монахиню, законоучителя, учительниц. Значительно улучшился учебный процесс и в Спасо-Ефросиньевском училище. Здесь даже привлекались к преподавательской деятельности преподаватели семинарии во главе с ректором, который сам обучал воспитанниц Закону Божьему.

Улучшение учебно-воспитательного процесса сопровождалось улучшением и материальных условий жизни воспитанниц. Для приюта и училища были построены отдельные здания вблизи монастырей: для Буйничского приюта - в 1846 г., для Спасо-Ефросиньевского училища - в 1847 г.. Приют и училище получили в этот период постоянные источники финансирования. По предложению могилёвского архиепископа Анатолия, Буйничский монастырь принял на себя обязательство выдавать ежегодно 200 рублей, в качестве пособия, на содержание сирот. На содержание приюта было обращено 970 рублей из сумм, отпущавшихся ежегодно епархиальным попечительством на бедных вдов и сирот. Пожертвованные 17493 рубля были внесены в кредитные учреждения и составили самостоятельный основной фонд для приюта. Полоцкий архиепископ Василий (Лужинский) добился 10 сентября 1849 г. ежегодного отпуска из казны 500 рублей на содержание Спасо-Ефросиньевского училища из общего духовно-учебного капитала.

Улучшение учебно-воспитательного процесса, материальных условий в этих заведениях способствовало появлению среди воспитанниц своекоштных учениц. Так, в Буйничском приюте число своекоштных воспитанниц с платой 32 рубля в год достигало до 10 из 40 девушек. Тем не менее, данные заведения оставались благотворительными, так как основной контингент воспитанниц составляли сироты.

В конце 50-х г. XIX в. выявилось несоответствие между количеством желающих получить образование и ограниченным числом вакансий в этих заведениях. Поэтому в конце 50-х г. XIX в. начались работы по созданию правительственных просветительных учреждений. Правительство придавало большое значение решению данной проблемы особенно в Беларуси, ибо здесь для успешного и окончательного обращения униатов и укрепления православия необходима была правильная организация женского образования в «духе православия и русской народности».

С конца 30-х годов XIX в. на территории Беларуси начали создаваться церковные школы, носившие обычно название «поселянские училища при приходских церквях». На октябрь 1840 г. в церковных школах Минской епархии обучалось 308 детей. [12, л.7об.-8] В отличие от предшествующего периода обучение было бесплатное. Священно-и церковнослужители руководствовались в своей педагогической деятельности «Правилами обучения поселянских детей». Они обязаны были обучать детей «чтению церковной и гражданской печати, а желающих и письму». Учащиеся должны были знать на память молитву Господню, Символ веры, 10 заповедей, стих: «Богородице, Дево, радуйся»; познакомиться с их объяснени-

ем по катехизису и главными рассказами из св. истории [12, л.4-5об., 6об.-7об.].

Активизировалась просветительная деятельность духовенства Беларуси после утверждения устава духовных консисторий. Но духовенству Минской и Полоцкой епархий так и не удалось открыть к середине 40-х г. XIX в. большого количества школ. В Полоцкой епархии в помещичьих имениях было открыто к 9 августа 1846 г. всего 6 школ [13, л.1], в Минской епархии в 1844 г. – 53 [14, л.85-86]. Только в Могилёвской епархии к 1847 г. было открыто около 100 школ, в которых обучались 1387 мальчиков и 22 девочки. Надо признать, что аналогичная картина была и в других регионах Российской империи.

При открытии церковных школ священно-и церковнослужители, прежде всего, столкнулись с решительным уклонением помещиков от содействия данному мероприятию. Помещики были не довольны «училищами, оттягивающими от работ» [15, л.235]. Крестьяне также неохотно посылали своих детей в школы. Сказалось и безразличие местного начальства, отсутствие зданий. Даже после распоряжения Минской духовной консистории о проведении обучения «в доме одного или двух из членов приходского причта, пока не будут выстроены училищные дома прихожанами» [15, л.275об.], нередко были жалобы на то, «что приходские священно и церковнослужители по немалочисленному семейству своему, училищ в своих домах поместить не могут, тем более, что многие из них не имеют даже сами для себя приличного помещения» [15, л.284]. К тому же на состоянии школьного дела сказывался и недостаток способных к обучению причетников [16, л.39]. Но, несмотря на все эти трудности, епархиальное начальство стремилось открыть побольше школ. Поэтому и приходилось Минской духовной консистории делать распоряжения о безосновательности жалоб о препятствии помещиков церковно-школьному делу [15, л.257]. А один из благочинных Минской епархии, священник Артемопович, даже взял подписку с подчинённых ему священно-и церковнослужителей «в том, что будем деятельно стараться о заведении поселянских училищ» [15, л.269].

Благодаря предпринимаемым усилиям духовенства, епархиального руководства, высшей гражданской власти, в 40-50-х годах XIX в. на территории Беларуси увеличивалось количество церковных школ. Так, если в 1841 г. в Минской епархии, при приходских церквях, монастырях и архиерейском доме существовало 36 училищ [16, л.29 и об.], то в 1857 г. при приходских церквях в помещичьих имениях существовало 163 училища с 1471 мальчиками и 168 девочками [17, л.232-233].

Во второй половине 50-х г. XIX в. складываются неблагоприятные условия для деятельности церковных православных школ. В 1857 г. правительство разрешило изучение польского языка в государственных, а с 1858 г. и в частных учебных заведениях. Поэтому польские помещики активизировали свою деятельность по созданию польских школ, внушая крестьянам подавать заявления об открытии данных учебных заведений. Дело дошло до того, что в 1859 г. архиепископ Минской епархии Михаил сообщил обер-прокурору Св. Синода о том, что крестьяне некоторых православных приходов изъявили желание обучать своих детей польскому языку. Поэтому издана указа Св. Синода от 3 августа 1859 г. об организации училищ при церквях для крестьянских детей православные архиереи Беларуси приняли решительные меры к просвещению своих прихожан в духе православия. Так, литовский митрополит Иосиф (Семашко) вынужден был в 1857 г. обратиться с распоряжением об обязательной расписке со стороны православных священников, подтверждающих готовность этих священников учить детей своих прихожан молитвам и грамоте [18, с.9-10]. Полоцкий же архиепископ Василий (Лужинский) не только поощрял членов причтов,

ревностно относившихся к делу народного образования, но нередко сурово карал нерадивых.

Таким образом, в 30-50-е г. XIX в. духовное православное образование подверглось преобразованию. Однако не удалось улучшить состояние учебно-воспитательного процесса в духовных школах. В женских училищах, находящихся в ведении Св. Синода, в данный период улучшился как учебно-воспитательный процесс, так и материальное положение. Церковные школы, несмотря на трудности, увеличили свою численность к концу рассматриваемого периода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 12070. – 1 марта 1839 г. – Высочайше утвержденное положение о духовно-учебном управлении при Святейшем Синоде // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1840. – т. XIV. – с. 541.
2. Извеков Н. История Литовской духовной семинарии. – Вильно: тип. Блюмовича, 1892. – 567 с.
3. Вержболович М. И. Третий период существования Минской духовной семинарии (1840 – 1874 г.) // Минские епархиальные ведомости. - 1897. - № 1-2(неоф.), 3(неоф.), № 4(неоф.), 5(неоф.), № 6(неоф.), 7-8(неоф.), № 9(неоф.), № 10(неоф.), № 11(неоф.), № 12(неоф.), 13(неоф.); 1898. - № 19(неоф.), 20(неоф.), 21(неоф.); 1899. - № 3(неоф.), № 6(неоф.), 11(неоф.), 12(неоф.), 13(неоф.); 1900. - № 8(неоф.), 9(неоф.), 10(неоф.), 12(неоф.), 13(неоф.); 1901. - № 1(неоф.), 2(неоф.), 3(неоф.), 4(неоф.), 6(неоф.), 8(неоф.); 1902. - № 2(неоф.), 3(неоф.), 4(неоф.), 5(неоф.), 7(неоф.), 8(неоф.), 9(неоф.).
4. Юркевич Исторический очерк Литовской духовной семинарии // Литовские епархиальные ведомости. – 1866. - №

- 11(неоф.), 12(неоф.), 13(неоф.), 14(неоф.), 15(неоф.), 17(неоф.), 18(неоф.), 19(неоф.), 22(неоф.), 24(неоф.).
5. Довгяло Д. И. Витебская духовная семинария (1806-1906): Заметки и воспоминания. - Витебск: тип.-лит. М.Б.Неймана, 1907. – 84 с.
6. Шавельский Г. Небольшая экскурсия в область прошлого по поводу настоящего // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1903. - № 2 (неоф.). – С.19-26
7. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской академией по завещанию автора. – СПб.: Тип. Императорский академии наук, 1883. – т. 1. – 745 с.
8. Национальный исторический архив Беларуси г. Минск (НИАБ) - фонд 96 - опись 9. - дело 42.
9. Перепечин В. Божинское духовное училище // Минские епархиальные ведомости. – 1899. - № 6(неоф.), 15(неоф.), 18(неоф.), № 20(неоф.); 1900 - № 1(неоф.), 2(неоф.), 3(неоф.), 5(неоф.); 1901. - № 9(неоф.), 11(неоф.), 16(неоф.), 18(неоф.).
10. Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-1841 по 1890-91 гг. – С.Петербург: типография Э.Арнольда, 1897. – 236 с.
11. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1086 - 1856). Часть 1 - 3. - СПб., 1899.
12. НИАБ - ф. - 136 – оп. 1. - д. 15078.
13. НИАБ - ф. - 1297 – оп. 1. - д. 17486.
14. НИАБ - ф. - 136 – оп. 1. - д. 18817.
15. НИАБ - ф. - 136 – оп. 1. - д. 22372.
16. НИАБ - ф. - 136 – оп. 1. - д. 16163.
17. НИАБ - ф. - 136 – оп. 1. - д. 28060.
18. Корчинский И.В. Очерк истории церковно-школьного дела в Гродненской губернии в XIX ст., составленный по данным архива Гродненского епархиального училищного совета и других источников. - Гродно, 1903. – 131с.

УДК 327.56 (430.1)

Стрелец М.В.

ФРГ И ПОИСКИ ПУТЕЙ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ СФРЮ

Цель настоящей статьи - проанализировать роль объединенной Германии в усилиях международного сообщества, направленных на выход из острейшего кризиса на территории бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии, датируемого 1991-2001 г.г.

1991 год - последний год, когда можно было говорить о единой Югославии. Беспрецедентный размах приобрело движение населявших ее народов за достижение государственной независимости. "25.06.1991 г. о выходе из СФРЮ объявили Словения и Хорватия" [1].

Сербия, которая играла главную роль в тогдашней Югославии, была одержима агрессивными устремлениями. Белград стремился любой ценой сохранить СФРЮ в границах 1991 года. Германия вместе со своими союзниками по НАТО и ЕС, а также с бывшим СССР, стала искать варианты предотвращения кровавой бойни на Балканах.

Министр иностранных дел ФРГ Геншер, проконсультировавшись предварительно с Вашингтоном и Москвой, предлагает югославской стороне подключить для решения кризиса механизмы ОБСЕ. В июле 1991 г. в ходе своего визита в Югославию он получает согласие югославской стороны на направление 50 наблюдателей от Европейского сообщества в Словению, которые должны были помочь обеспечить стабильное перемирие; в их числе-6 немцев. В случае несоблюдения перемирия Геншер угрожает югославской стороне

официальным признанием Хорватии и Словении Европейским сообществом [2, с.11].

Однако сербы поставили агрессивное мышление и поведение выше любых компромиссов и развязали войну. Главной противоборствующей стороной для них были хорваты. "В августе 1991 года началось наступление югославской армии с целью отторжения у Хорватии Сербской Краины" [1].

Внутри Германии усиливаются антисербские настроения, все громче раздаются требования признать Хорватию и Словению. В частности, 3 ноября 1991 года это официально требует съезд СвДП, к которой принадлежит Геншер. Федеральный канцлер Коль в бундестаге высказывается за признание вышеназванных республик. В выступлении на сессии Европейского совета в Страсбурге Геншер выражает надежду, что в том случае, если в обеих республиках будут созданы действенные механизмы для защиты прав национальных меньшинств, официальное признание данных республик Европейским сообществом состоится в декабре на сессии в Маастрихте. 16 декабря Геншер приветствует решение Совета Безопасности ООН о направлении наблюдателей в Югославию: в это время в Совете министров иностранных дел ЕС обсуждаются возможности официального признания Хорватии и Словении. Геншер выражает уверенность, что признание будет способствовать окончанию гражданской войны. 17 декабря федеральный канцлер сообщает о намерении установить с 15 января 1992 года дипломатические отношения с Хорватией и